

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

История развития уголовно-исполнительного производства в настоящий момент представляется недостаточно изученной.

На данное обстоятельство правомерно указывает в своей статье А.С. Смыкалин: «Нельзя сказать, что тюрьмы, колонии, лагеря достаточно хорошо изучены в российской историко-правовой науке. Особенно это касается постсоветского периода, когда по соображениям идеологического характера поднимать вопросы совершенствования и развития пенитенциарной системы в условиях развивающегося коммунистического общества было неудобно. Поэтому на литературу этого профиля, в том числе и на периодическую печать, был наложен гриф “ДСП” и даже в учебных заведениях для студентов-юристов по исправительно-трудовому (уголовно-исполнительному) праву история этих органов излагалась скороговоркой»¹.

Следовательно, необходим подробный анализ истории развития уголовно-исполнительного производства в настоящее время с целью определения на основе проведенного анализа перспектив развития современного уголовно-исполнительного законодательства.

Автором в данной статье рассматривается процесс зарождения уголовно-исполнительного права в российском государстве.

В Древней Руси в период отсутствия государственности совершение преступления наказывалось кровной мстью, личной мстью, различными разновидностями самосуда. Отсутствовали как таковые судебные органы и органы, исполняющие наказания.

История развития уголовно-исполнительного производства неразрывно связана со становлением централизованного русского государства, развитием системы органов власти, в том числе и судебных.

«Обращаясь к ранним этапам становления пенитенциарной системы Руси, к 9-10 в.в., мы отдаем отчет, что понятие система,

---

* © Шуваткин А.В., 2012

Шуваткин Александр Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

в данном случае, носит условный характер. Правильно говорить о пенитенциарной системе только после образования централизованного русского государства на территории Московского княжества и даже возможно еще позднее, когда в росписи государственного бюджета появилась отдельная строка «на содержание тюрем и острогов...»².

В Древней Руси не было традиционного разделения власти на отдельные ветви (законодательную, исполнительную, судебную), имеющиеся во всех правовых государствах современности.

Фактически в Древней Руси существовало две ветви власти: светская и церковная.

Вся светская власть находилась в руках, как правило, одного человека: князя, посадника, управителя — тиуна.

«Каждую зиму князь отправлялся обыкновенно на “полюдье”, т.е. для сбора дани с подвластных ему городов и местностей. Оставившись на погостах, куда отдельные семьи и роды свозили дань, князь тут же творил суд. Один за другим подходили тяжущиеся и обвиняемые к крыльцу, рассказывали князю, в чем заключается тяжба или какое преступление совершил обвиняемый, и князь, поговоря с дружинниками, и, выслушав хорошо знающих старые обычаи людей, стариков и свидетелей послухов провозглашал свой приговор “по старине и по пошлине...”, т.е. по обычаю, который пошел от предков. Кроме наказания, виноватая сторона платила еще и штраф в пользу князя»³.

Определенные категории дел были отнесены к церковной юрисдикции. Например, такие как Росруст (самостоятельное расторжение брака), Умыкание (похищение женщины), Зелейничество (церковная татьба) и т. д.

Отдельные сведения о судебной процедуре рассмотрения дел, размерах назначаемого наказания за совершение того или иного деяния, порядке исполнения этого наказания мы можем черпать из первого документа правового характера, дошедшего до наших дней — Краткой (древнейшей) Русской Правды (Правда Роськая).

«Вопрос о времени составления Древнейшей Правды спорен. Важнейшим аргументом в пользу составления ее Ярославом в 1016 для Новгорода Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин считают, что вся Краткая Правда включена в состав Новгородской Первой летописи в обработке середины XV в. (в младшем изводе) под 1016 г.»⁴.

Источники, которыми пользовался составитель Русской Правды, сводятся к двум: к судебной практике и княжеским уставам.

Содержание Русской Правды, таким образом, не выписано из какого-либо иностранного сборника; оно представляет отражение современной составителю русской обычной и уставной практики. Но так как эта практика руководилась не только местными обычаями, но и иноземными уставами, то на ряду с русским правом в Русской Правде отразилось и иноземное⁵.

В Русской Правде законодатель того времени наибольшее внимание уделял описанию преступлений. Приоритет отдавался преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью, а также преступлениям против собственности.

Так, например, в ст. 3 Русской Правды устанавливалась ответственность за побои: «Аще ли кто кого оударит батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити емоу, то тоу конецъ»⁶.

В ст. 29 Русской Правды регламентировалась ответственность за кражу имущества: «А иже крадеть либо конь, либо волы, или клоть, да еще боудеть единъ краль, то гривноу и тридесять рьзань платити емоу; или ихъ будеть 18, то по трі гривнъ и по 30 рьзань платиті моужеви»⁷.

Изложенные нормы Русской Правды свидетельствуют о том, что наибольшее внимание в первых законодательных актах Древней Руси уделялось не описанию самого деяния, а определению вида и размера наказания за те или иные проступки, т.е. уголовно-правовым моментам назначения наказания.

Самым строгим наказанием, указанным в Русской Правде, была месть. Так, в ст. 1 указывалось «Аже оубиеть мужь мужа, то мстити брату брата, либо отцю, ли сыну, либо брату чадо, ли братию сынови»⁸.

Как правильно указывают авторы сборника «Российское законодательство X—XX веков», допущение кровной мести в Правде Ярослава говорит о влиянии на этот закон обычного права. Ко времени составления Правды Ярослава кровная месть во многом потеряла свой первоначальный характер. Прежде всего, это выражается в ограничении круга возможных мстителей, что связано с превращением родовой общины в соседскую, распадом кровнородственных связей. Правда Ярослава, по-видимому, зафиксировала уже сложившуюся практику⁹.

Наиболее распространенным видом наказания являлась «вира» (денежный штраф в размере 40 гривен) и другие виды денежных штрафов («головничество», «продажа»).

Назначался данный вид наказания практически за любые преступления. В частности, за убийство, кражу, членовредительство.

В ст. 5 Русской Правды говорится: «Оже ли утнеть руку, и упадет рука любо усохнеть, то 40 гривен». Или ст. 13 устанавливала: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познать в своемь миру, то взятии ему свое, а 3 гривне за обиду»¹⁰.

Применялся также такой вид наказания, как «поток и разграбление» (обращение в рабство и полная конфискация имущества). Устанавливался он за разбой: «Будеть ли стать на разбои безъ всякая свады, то за разбоиника люди не платятъ; но выдать и всего съ женою і с дѣтми на потокъ и на разграбление» (ст. 5 Русской Правды)¹¹.

Причем за убийство княжеских слуг, за причинение ущерба имуществу князя устанавливалось значительно более суровое наказание.

В ст. 19 Русской Правды устанавливалось: «Аще убьютъ тогнщанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиини, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 горивен»¹².

«Статья 19 говорит лишь о наиболее знатных княжеских слугах — огнищанине и подъездном княжи. Она устанавливает повышенную плату за их убийство — 80 гривен, которые поступают в пользу князя. Чтобы сделать наказание более суровым, закон запрещал общине помогать преступнику в уплате штрафа»¹³.

По поводу сущности церковных наказаний того времени профессор А.С. Павлов указывает: «Сущность церковных наказаний состоит в том, что преступник церковных канонов лишается всех или только некоторых прав и благ, находящихся в исключительном распоряжении Церкви. Отсюда и общее название этих церковных наказаний: отлучение. Оно может быть или полное, состоящее в совершенном исключении преступника из числа членов Церкви, или неполное, когда виновный лишается только некоторых прав и благ, находящихся в церковном распоряжении. Великим отлучением анафемой, поражали только за самые тяжкие преступления: ересь, вероотступничество, святотатство. Великое отлучение заключается в совершенном исключении преступника из церкви. Но и анафема все-таки не утрачивает характер врачевания, ибо она не является неотменяемой карой. Если анафематствованный грешник раскаивается в содеянных им преступлениях, то он не может быть жестокосердно отвергнут Церковью»¹⁴.

В связи с тем, что во времена Русской Правды отсутствовала система обжалования судебных постановлений, то исполнение наказания, предусмотренного судьей, производилось немедленно.

На данное обстоятельство указывает А.С. Смыкалин: «Так, обиженный холопом имел право бить его немедленно, “развязавши”, т.е. освободивши его от пут и оков (56 (65) Тр). Есть статья Русской Правды, из которой можно понять, что спорную вещь, выигравшая сторона брала сразу же с собой, должники уводились кредиторами домой и продавались на торгу: «Вести и на торг, продать же» (49(55) Тр). Выигравшей стороне могли помогать судебные агенты князя, которые получали за эту помощь особую пошлину (96 (107)Тр). В Русской Правде имеются статьи, которые определяли особый порядок при исполнении приговоров. Так, поджигатели сперва должны были «пагубу исплатившую» (т.е. возместить вред, действием лица), а затем «князю поточити и ....» — потом это лицо подвергалось уголовным последствиям своей вины — несло соответствующее наказание (75 (83) Тр)»¹⁵.

На возможность немедленного исполнения наказания указывается также в ст. 21 Русской Правды: «Аже убьють огнищанина у клети, или у коня, или у говодя, или у коровье татьбы, то убить в пса место; а то же покон и тивуницу» и в ст. 38: «Аще убьють татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то тои убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьють, а люди будут видели связан, то плати в немь»¹⁶.

В дошедших до нас источниках права Древней Руси отсутствует регламентация самого процесса исполнения наказания.

С.М. Соловьев по этому поводу указывал: «...на ком лежала обязанность приводить судебный приговор в исполнение, т.е. подвергать виновного наказанию, собирать пени, получать судебные пошлины, взыскивать частное вознаграждение, и какие средства можно было употреблять в случае сопротивления осужденного — на все это нет достаточных указаний в Русской Правде»¹⁷.

Несмотря на это, ряд норм русской правды носит уголовно-исполнительный характер. Так, в ст. 1 Русской Правды, устанавливающей ответственность за убийство и текст которой приводился ранее, описывается перечень лиц, которые имеют право на кровную месть (т.е. перечень лиц, которые могут исполнить данный вид наказания).

В ст. 41 Русской Правды определяется размер вознаграждения за выполнение дружинниками князя судебных функций и указан размер отчислений в пользу церкви: «А от гривни мечнику куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны, а от 12 гривну емьцю 70 кун, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривен»¹⁸.

Новгородская судная грамота, следующий памятник истории, дошедший до наших дней, датируется XV в.¹⁹ Содержание этого документа соответствует его названию, так как большинство норм входящих в его состав регламентируют процедуру судопроизводства.

Примечательно то, что в Новгородской судной грамоте прямо указывается на возможность обжалования судебного акта: «А наместником великого князя и тиуном пересуд свой ведати по старине»²⁰.

В ст. 34 Новгородской судной грамоты содержались нормы исполнительного права, которыми устанавливался срок для исполнения судебного решения: «А кто на кого возмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца, ино ему переговариваться с ними месяц: а не почнет переговариватьца в тот месяц, ино взять на него приставы с веча, да имать его в городе и в селе с теми приставы; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом»²¹. В случае если судебное решение в течение месяца не исполнялось добровольно, то оно подлежало принудительному исполнению приставами.

«Мы видели, что по Русской Правде взыскание производил сам истец. Небольшой объем общины и тесная связь, существовавшая между их членами, способствовали такому порядку, потому что обиженный в случае недостатка собственных сил всегда мог рассчитывать на поддержку своего рода и ближайших соседей.... В Пскове и Новгороде порядки были иные.... Увеличение количества гражданских сделок и усложнение их, с одной стороны, а с другой стороны разрастание вечевых общин в значительные торговые города, лишили возможности граждан близко знать друг друга и непосредственно принимать участие в восстановлении нарушенного права... Хотя за истцом по-прежнему остается роль главного деятеля при производстве взыскания, но вместе с тем усиливается значение представителей общественной власти — приставов, которые являются помощниками взыскателя во всех затруднительных случаях и оберегают в то же время интересы ответчика»²².

Сама процедура исполнения судебного акта в тексте Новгородской судной грамоты, дошедшего до наших дней, не описывается.

Важной частью Новгорода и крупнейшим его пригородом был Псков, но со временем разросшись и разбогатев на торговле, он вышел из-под власти Новгорода и получил независимость в 1348 году²³. Соответственно Псковская судная грамота была составлена ориентировочно в XIV—XV вв.²⁴

Как правильно отмечается в научной литературе, при чтении текста грамоты обращает на себя внимание отсутствие многих норм, известных Русской Правде. Так, грамота не содержит развернутых разделов о наказаниях за убийство и другие преступления. В ней нет статей об охране собственности, нет статей о смердах, закупах и холопах. Отсутствие этих статей объясняется, по-видимому, именно тем, что соответствующие правовые нормы были хорошо разработаны в Русской Правде и имели общерусское значение²⁵.

В Псковской судной грамоте более определенным стало понятие «преступления». Под преступлением в Псковской судной грамоте впервые в русском праве понимается причинение ущерба не только частным лицам, но и государству. Псковская судная грамота говорит о следующих видах преступлений: против государства (измена или «перевет»); против судебных органов (взятка или «посул» судье); насильственное вторжение в судебное помещение, насилие в отношении судей; имущественных преступлений (простая «татьба», квалифицированная, или неоднократная «татьба», кража церковного имущества; поджог; конокрадство; грабеж; разбой; против личности (убийство или «головщина», нанесение побоев, оскорблением действием)²⁶.

В ст. 7 Псковской судной грамоты впервые вводится такой вид наказания как смертная казнь: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажига́льнику тем живота не дати»²⁷.

Летописи говорят о том, что Псков знал смертную казнь через повешение, сожжение, утопление.

Так, Ю.В. Оспенников пишет по поводу наличия такого вида наказания как смертная казнь в Древней Руси: «...при этом некоторые случаи все же можно рассматривать именно как смертную казнь, постепенно вырастающую из института «потока и разграбления» и предусматривавшуюся преимущественно за перевет. Казнь за перевет осуществлялась обычно в форме утопления или повешения. Упоминается в летописи и такая форма смертной казни, как сожжение. Широко цитируется летописное сообщение 1227 г. о сожжении волхвов на Ярославовом дворе, в Слуцкой летописи упоминается о сожжении митрополита Герасима в Витебске»²⁸.

В Псковской судной грамоте другим основным видом наказания за совершенное преступление является продажа (денежный штраф). Так, в ст. 96 Псковской судной грамоте устанавливается ответственность за убийство в виде продажи: «А где учинится головщина, а доличат коего головника, ино князю на головников взять рубль продажи»²⁹.

Некоторые исследователи, ссылаясь на ст.58 Псковской судной грамоты («а хто опрочнеимет помогать, или силою в судебню полезет, или подверника оударит, ино всадити его в дыбу да взять на нем князю рубль, подверникам деять денег»³⁰) пишут о наличии описания в Псковской судной грамоте членовредительных, телесных наказаний. Так. М.К. Рожкова писала «...поэтому в прибавок к княжеской продаже прилагается еще «дыба», т. е. членовредительное наказание»³¹.

И.Д. Мартысевич, ссылаясь на Владимирского-Буданова, считает, что «всадити его в «дыбу» означает заковать виновного в колодку, состоящую из двух досок, имевших посередине выемку, а по концам петли и замки»³², т. е. фактически словосочетание «всадити его в «дыбу» подразумевает применения к лицу, совершившему преступление, меры пресечения и задержания.

В Псковской судной грамоте достаточно подробно регламентируется сам процесс судебного разбирательства: порядок вызова и доставки в суд ответчика (ст. 25-26 Псковской судной грамоты); порядок оплаты судебных пошлин (ст. 49,50,82,83 Псковской судной грамоты); порядок оформления судебных документов (ст. 50 Псковской судной грамоты); порядок проведения судебного заседания (ст. 58,79 Псковской судной грамоты); закреплялась возможность осуществления судебного представительства в суде (58,68-71 Псковской судной грамоты), устанавливается невозможность отмены судебного решения князем и его обязательность (ст. 60 Псковской судной грамоты)³³, возможность заключения мирового соглашения в случае драки (ст. 80 Псковской судной грамоты).

В Псковской судной грамоте, так же как и в Новгородской судной грамоте, вообще не описывается процедура исполнения наказания. Указываются лишь лица, которые исполняли функции судебных приставов и по всей видимости могли также исполнять наказание: подвойские, представляющие интересы князя.

По наличию описания процедуры исполнения наказаний в Псковской судной грамоте А.С. Смыкалин правомерно указывает, что «например, мало сохранилось сведений о порядке исполнения решений, связанных с увечьями и травмами. Известно лишь, что по делам о побоях на рынке, улице или пиру виновный выдавался с головой потерпевшему. Кроме того, виновный должен был уплатить князю продажу (ст. 27 Псковской судной грамоты). Точно также, если кто-нибудь ударит на суде своего противника, должен был заплатить потерпевшему рубль, а в случае несостоятельности выдавался с головой потерпевшему. Кроме того, виновный дол-

жен был уплатить продажу в казну князя (ст. 111 Псковской судной грамоты)³⁴.

В завершение исследования истории развития уголовно-исполнительного права Древней Руси стоит отметить, что в нормативных актах того периода времени устанавливались лишь виды наказаний, применяемых за совершение того или иного преступления, но не регламентировался порядок исполнения этих наказаний. Причем изучение иных письменных источников того периода (летописей) свидетельствует о том, что применялись и иные виды наказания, не предусмотренные правовыми памятниками Древней Руси. Например, в Новгородской первой летописи старшего извода указывалось на применение такого вида наказания как ослепление, урезание носа, заключение в темницу (в «поруб»), конфискация имущества («разграбление»).

Примечания

¹ Смыкалин А.С. Исполнение наказания в Древнерусском государстве // Российская юстиция. 2006. № 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Частикова. М., 1984. С. 36.

⁵ Сергеевич В.И. Лекции исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.

⁶ Калачев Н. Текст русской правды на основании четырех списков разных редакций. 3-е изд. СПб., 1881. С. 10.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Российское законодательство X–XX веков. С. 49.

¹⁰ Там же. С. 47.

¹¹ Калачев Н. Указ. соч. С. 14.

¹² Российское законодательство X–XX веков. С. 48.

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ Цит. по: Смыкалин А.С. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Российское законодательство X–XX веков. С. 49.

¹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 1. Т. 2. С. 234.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. С. 49.

¹⁹ Исследованием вопроса времени создания Новгородской судной грамоты занимались Малиновский И., Грибовский В.М., Числов П.И., Филиппов А.Н., Сергеевич В.И., Мрочек-Дроздовский П., Ясинский М.Н.

См.: Малиновский И. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д., 1918. С. 38; Грибовский В.М. Древнерусское право. Выпуск 1. Древнейший земско-княжеский период. Пг., 1915. С. 35; Числов П.И. Курс истории русского права (из ученых записок Императорского лицея в память цесаревича Николая). М., 1914. С. 73; Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912. Ч. 1. С. 136–137; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910; Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов. М., 1902. С. 50; Ясинский М.Н. Лекции по внешней истории русского права. Киев, 1898. Вып. 1. С.160.

²⁰ Российское законодательство X–XX веков. С. 304.

²¹ Там же. С. 307.

²² Пихно Д. Исторический очерк мер гражданских взысканий по русскому праву. Киев, 1874. С. 19–20.

²³ Смыкалин А.С. Особенности судоустройства, судопроизводства и исполнения судебных решений в период феодальной раздробленности на Руси в XII–XIV вв. (на примере Новгорода и Пскова) // Российская юстиция. 2006. № 5.

²⁴ Дата появления Псковской судной грамоты является спорной в научной литературе. См.: Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. С. 1–4.

²⁵ Российское законодательство X–XX. С. 324. Данное обстоятельство также отмечает А.В. Шмонин. См.: Шмонин А.В. Указ. соч.

²⁶ Смыкалин А.С. Указ. соч.

²⁷ Российское законодательство X–XX веков. С. 332.

²⁸ Оспенников Ю.В. Система наказаний на северо-западе Руси по летописным известиям XI–XIII вв. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 3.

²⁹ Российское законодательство X–XX веков. С. 340.

³⁰ Там же. С. 337.

³¹ Рожкова М.К. К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты. Саратов, 1927. С. 9.

³² Владимирский-Буданов хрестоматия по истории русского права. М., 1889. Вып. 1. С. 155; Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. М., 1951. С. 120.

³³ П.Е. Михайлов, анализируя ст. 60 Псковской судной грамоты, делает вывод о возможности обжалования судебных решений того времени / См.: Михайлов П.Е. Новые данные для комментария Псковской судной грамоты. СПб., 1913. С. 10

³⁴ Смыкалин А.С. Указ. соч.